Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 185–191
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(4):185–191
Политология и этнополитика
Научная статья
УДК 321.64 + 32.019.51
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-185-191 EDN OUYCQQ

Дискуссия о тоталитаризме: новое прочтение

Илья Игоревич Рогов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, IIRogov@fa.ru, https://orcid.org/0009-0003-6181-5692

Аннотация. В 90-е годы, сразу после развала Советского Союза, в научной общественности развернулась широкая дискуссия на тему тоталитаризма. За более чем три прошедших десятилетия, неоднократно проходило обсуждение аспектов тоталитаризма проводилось в научных журналах и общественных платформах. Были проанализированы структурный, идеологический, семиотический и другие аспекты тоталитарного государства и тоталитраного сознания. Без преувеличения дискуссию о тоталитаризме можно считать знаковой для постсоветской России. Одним из её важнейших аспектов является политический. Накоплены значительные объёмы материала. Однако политологическая дискуссия развивается однобоко и не охватывает несколько существенных аспектов современной жизни. За последние двадцать лет, особенно – в связи с массовым распространением широкополосного Интернет – тоталитарные практики стали применяться не только государствами, но и корпорациями. Каковы тоталитарные тренды современности, анализирует эта статья.

Ключевые слова: Big Data, IT–корпорации, 15–минутные города, массивы больших данных, медиа, подсказки точности, социальный рейтинг, тоталитаризм

Для цитирования: Рогов И. И. Дискуссия о тоталитаризме: новое прочтение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 185–191. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-185-191. EDN OUYCQQ

Politology and Ethnopolitics
Original article

Discussion about totalitarianism: a new reading

Ilya I. Rogov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, IIRogov@fa.ru, https://orcid.org/0009-0003-6181-5692

Abstract. In the 90s, immediately after the collapse of the Soviet Union, a wide discussion on the topic of totalitarianism took place in the scientific community. Over the past three decades, aspects of totalitarianism have been discussed repeatedly in academic journals and public platforms. Structural, ideological, semiotic and other aspects of the totalitarian state and totalitarian consciousness were analyzed. Without exaggeration, the discussion about totalitarianism can be considered significant for post-Soviet Russia. One of its most important aspects is political. Significant volumes of material have been accumulated. However, the political science discussion develops one-sidedly and does not cover several significant aspects of modern life. Over the past twenty years, especially in connection with the massive spread of broadband Internet, totalitarian practices have begun to be applied not only by states, but also by corporations. This article analyzes what the totalitarian trends of our time are.

Keywords: totalitarianism, big data arrays, Big Data, media, IT corporations, social rating, 15-minute cities, Accuracy prompts

For citation: Rogov I. I. Discussion about totalitarianism: a new reading. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(4):185–191. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-4-185-191. EDN OUYCQQ

© Рогов И. И., 2023

Краткая история вопроса и замечания по отечественной дискуссии

Одной из знаковых концепций тоталитаризма стала позиция Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского, в частности, перечисленные ими признаки [1]. Эти признак нет смысла перечислять, они широко известны. Сюда же примыкает не менее известная, во всех смыслах слова «классическая» работа Ханны Аренд «Истоки тоталитаризма» [2]. Хочу обратить внимание на то, что признаки, а следовательно, – и понятие были связаны с господством одной-единственной партии, отсутствии свободы слова, наличие всеобъемлющей идеологии, через которую выстроена политическая система государства, и – стремление стереть границы между государством, гражданским обществом и личностью. Третья из классических концепций тоталитаризма принадлежит К.Р. Попперу, который, в работе «Открытое общество и его враги» обосновывал тезис, что идеальной теории управления не существует и не может существовать, а значит, любые режимы, претендующие на «правильное» управление, трансформируются с тоталитарные диктатуры [3].

Поскольку термины «тоталитаризм» и «тоталитарная диктатура» изначально несли ангажированный смысл, после развала СССР в научном сообществе развернулась острая дискуссия, тем более что власть отказалась от идеологии и стала возможна свобода слова.

В целом дискуссию, которая развернулась за последние тридцать лет в научной среде можно охарактеризовать словами «научное сообщество против тоталитарной власти» и «научное сообщество за либеральные порядки». Тоталитаризм исследовался и в рамках структурной парадигмы, и в рамках семиотического подхода, и через призму психоанализа и феноменологии. Разумеется, на 90-е годы пришёлся пик исследований по советскому тоталитаризму, и даже высказывались мысли, что СССР был более тоталитарной страной, нежели нацистская Германия [4].

Как отметил почти десять лет назад историк В.И. Михайленко, надо учитывать реально функционировавшее тоталитарное государство и умозрительную модель тоталитаризма в политической мысли [5, с. 182]. Очевидно, что работы Арендт и Бжезинского посвящены реальной политической практики, тогда как «Открытое общество» К. Поппера – умозрительная конструкция.

Справедливо отмечены всё ужесточающийся контроль государства над политической лояльностью граждан, то, что теперь называется «тесты на политкорректность»[6, с. 47]. Соглашусь с теми тезисами, когда, различными представителями научного сообщества говорилось, что тоталитаризм – не в перечислении исторических фактов и признании ошибок прошлого, но в некоторой форме сознания, противящегося инновациям.

Однако отечественная мысль концентрируется всего на двух субъектах-участниках тоталитарного контроля: государстве и обществе. Объектом анализа становится либо тоталитарное государство (как вариант – тоталитарная власть), либо – общество: в некоторых случаях подавленное и сопротивляющееся, в некоторых – лояльное и тоже тоталитарное. Так, например, в статье «Вторичный, или возвратный тоталитаризм» Лев Гудков фактически применил эту формулировку в отношении современной политической системы России, в частности – «путинского режима» [7, с. 211]. Реальность последних двадцати лет демонстрирует с кристальной ясностью, что появился и набрал силы третий участник тоталитарного консенсуса – корпорации.

Общественная реакция

Общество же, особенно, когда после появления широкополосного Интернет, широко развилась блогосфера, не разделяло однозначно–негативной позиции науки и масс–медиа. Символом двуличных стандартов стала статья–призыв Михаила Кордонского «Я выбираю тоталитаризм», в частности, её превью: «Когда танки стреляют в Праге – это тоталитаризм, а когда самолеты бомбят Белград – это демократия» [8]. В этих и других статьях общество выражало недовольство (и даже боль), что великое государство распалось, а жить стало только хуже. Страну развалили, где же обещанная хорошая жизнь? С точки зрения либерального истеблишмента, мы имеем дело с неизжитым тоталитарным сознанием, и автор работы согласен с такой трактовкой: личные ожидания о более комфортной жизни, как и безответственные призывы политиков, не имеют связи с реальностью, не имеют значения для объективных исторических процессов. Ни тоталитаризм, ни либеральная демократия (а последняя в особенности, если брать радикальное либератарианство) не гарантируют уровень жизни общества. Да, политики обещают её в своих лозунгах – чтобы обеспечить народную поддержку и собственную легитимность, но это лишь предвыборные обещания, не более. Новую общественную систему –

однозначно более открытую – но вовсе не обязательно государство всеобщего благоденствия, можно построить только тогда, когда обновится общество. Не вдаваясь в социологические подробности поколений («миллениалы», «поколение Z» и проч.) отмечу, что имеется ввиду общество, рождённое после 1992 года (развала СССР), а в идеале – после 2000 года, чтобы «бурные девяностые» тоже оказались вне личной памяти. Предыдущее поколение должно уйти – имеется ввиду с политической арены и из медиапространства. Сказанное касается как защитников тоталитаризма, так и борцов с ним.

Тоталитаризм современного мира

Международный симпозиум, проведённый в США в 1952 году дал определение, что тоталитарным следует признать любое общество, преимущественно – закрытое, в котором всё, от воспитания детей и до производства всех видов продукции контролируется из единого центра [9, с. 91]. Из государств современного мира этим критериям соответствует только КНДР, в котором царит абсолютный культ вождя – лидера партии и главы государства и реализован полный контроль над свободой слова. Однако есть и иные участники тоталитарной системы, иные субъекты, которые выстраивают намного более глубокоэшелонированную систему контроля – как над конкретным индивидом, так и над обществом. Я говорю о корпорациях. Возвращаясь к признакам, которые перечислены у Бжезинского, Поппера и Арендт, отмечу, что теперь уже не государства, а корпорации стремятся стереть границы между государством, гражданским обществом и личностью.

Перечислю некоторые позиции современного мира, которые, на мой взгляд, можно трактовать, как тоталитарные.

Крупные массивы данных, известные, как Big Data, анализируют поведенческие предпочтения индивидов через сбор и анализ его поисковых запросов. Даже если при покупке смартфона и в договоре с провайдером имеется пункт, что человек согласен, сам факт сбора данных об интересах человека – важнейший шаг к гиперконтролю. Если в классическом тоталитаризме политически выверенные записи находились в паспорте (национальность и социальное происхождение), то в современном, цифровом, анкета индивида – это профиль в соцсетях. Государства и корпорации современного мира имеют возможность собирать данные в цифровом виде и автоматически обрабатывать их – сам факт такой возможности открывает невиданные перспективы для контроля над обществом и окончательного разрушения гражданского общества.

Запущены программы, нацеленные на распознавание лиц и эмоций на лицах. Легко представить, как негативная эмоция в отношении государственной идеологии, личности главы государства, главы корпорации, отторжение корпоративной айдентики и т.п. будут зафиксированы и помещены в банк «ненадёжных данных».

В сети Интернет появилась фраза «людиардеры». Автор данной статьи затрудняется дать её источник, тем более что фраза ещё не превратилась в наукообразный термин. Однако смысл её предельно прост: это люди, обладающие контролем над большим объёмом персональных данных пользователей. Легко понять, что речь идёт о владельцах IT-корпораций.

Соединение массива больших данных (Big Data) с возможностью контроля, который находится в руках одного лица – руководителя IT-корпорации, или группы лиц (совета директоров) открывает возможности для всеобъемлющего, тотального контроля, намного превышающие возможности тоталитарных партий XX века.

В 2022 году в западных научных журналах появилось несколько статей, посвящённых инициативе Гугл, которую можно перевести как «подсказки точности» [10]. «Подсказки точности – это воспроизводимый и обобщаемый подход к сокращению распространения дезинформации» (*перевод свободный, мой*). Суть цитируемой статьи в том, что в сети Интернет накоплен значительный объём постов, которые классифицированы, как «дезинформация». Авторы статьи провели метаанализ данных с 2017 по 2020 годы и выявили, что внедрение «подсказок точности» (*перевод мой*) в систему поисковых запросов позволит обойти сайты, которые помечены, как распространяющие дезинформацию и перевести поисковой запрос на сайты, правильной информации.

Ранее государства указывали, как правильно думать, какую литературу читать, а какую – запрещено, а в наше время этим начали заниматься корпорации. Систему «подсказок точности» могут использовать как государства, так и корпорации для блокировки или отвлечения внимания от неугодных аккаунтов, сайтов, постов и людей – тех субъектов, которые не согласны с мнением государств или корпораций. Иными словами, перед нами – система контроля и блокировки частных мнений и собраний.

Присвоение продуктов интеллектуального труда, самого интеллектуального труда, и – в финале – абсолютное овладение сознанием человека – это выход за рамки капиталистического отчуждения, описанного Марксом и формирование общества нового типа. Очевидно, речь идёт о системе, где объект присвоения – не продукты труда, и, даже не деньги (два последних фактора не стали свободны, они продолжают присваиваться), но поведение человека и всего общества: его рефлексы, мотивы, реакции, а это значит, на повестке стоят вопросы глобального контроля над индивидом и того самого разрушения гражданского общества, о котором предупреждали классики тоталитарных исследований. Массовые блокировки неугодных аккаунтов, и покраснение (блокировка) QR–кодов, т.е. – ограничение свободы передвижения – уже не смотрятся фантастически, но, наоборот, выглядят как естественные дальнейшие шаги – и государства, и корпораций.

Не стоит забывать и о роли медиа в построении тоталитарного общества. После теракта 11 сентября 2001 года, и с политических трибун, и в медиа пространстве была объявлена «война с мировым терроризмом», на роль исполнителей которого были назначены арабские, и – шире – исламские фанатики из радикальных сект. Медиа вполне подхватили этот тренд и более десяти лет поддерживали его. Закончилось всё уничтожением Бен–Ладена 2 мая 2011 года, факт которого подтвердили так же в медиа–пространстве. После этого медиа «забыли» про мировой, или международный терроризм. Однако уже тогда в широких слоях общества были сомнения практически во всех этапах – от официальной версии событий 11.09.2001, до уничтожения Бен–Ладена. В этой связи уместно поставить вопрос: разве создание образа врага не является одной из признанных тоталитарных практик? Тот факт, что враг сформирован не на ином государстве, а на образе радикальной религиозной секты – лишь особенность, он не представляет существенной разницы.

В 2020 году произошли два события, которое, с полным правом, можно классифицировать как современные тоталитарные тенденции.

Первый – блокировка президента Трампа в социальных сетях. За краткий период времени в одну–две недели единым фронтов выступили Twitter, Facebook, Instagram, Reddit, Discord, TikTok, Twitch, Snapchat, YouTube, то, что называется «пятёрка Биг–Тека». Формальная причина состояла в том, что, после победы Джо Байдена, сторонники Трампа захватили Капитолий, а значит, дальнейшее присутствие Трапма в соцсетях создаёт риск эскалации насилия. Даже абстрагируясь от того факта, что все эти положения прежде необходимо доказать в суде, а Трамп не признан виновным до сих пор, имеет место другой факт: ограничение свободы слова публичной личности, в недавнем прошлом – Президенту США. Конечно, «пятёрка Биг–Тека» – частные корпорации, и, в таком качестве могут отказать в своих услугах любому пользователю даже без решения суда. Но одновременно они – социально–образующие субъекты, фактически, основные субъекты, формирующие современное гражданское общество и ограничение свободы слова даже не Президента, а любого гражданина уже накладывает отпечаток. Очевидно, перед нами всё та же тоталитарная практика, применённая только не государствами, а корпорациями.

«Facebook, Twitter, Google и Apple (FATGA)… установили над общественной сферой такое доминирование, какого мы не видели со времен расцвета католической церкви до Реформации…. Онлайн-платформы превратили когда-то децентрализованную всемирную паутину в олигархически организованную, иерархичную публичную среду.» – прокомментировал известный западный политолог Найол Фергюссон [11]. Можно сказать проще: если ещё 15–20 лет назад люди верили, что Ютуб, Твиттер и Фейсбук – нейтральные площадки для обмена мнений, то к 2020 году вся «пятёрка Биг–Тека» превратились в мощный инструмент подавления свободы слова, фактически – инструмент корпораций по установлению тоталитарного господства над обществом.

Поскольку никакой тоталитаризм не может быть реализован без общественной поддержки, а политические инициативы идут в ногу со временем, в 2020 году появилась статья члена датского парламента Иды Аукен (Оукен) «Добро пожаловать в 2030: у меня ничего нет, но я счастлива» [12]. Статья выдержана в духе полного отсутствия собственности даже на элементарные личные вещи. Та же Ида Аукен сделала в интервью заявление в духе «зачем вам смартфон в собственность, когда можно арендовать его?». Хотя статья депутата датского парламента никак не связана с блокировкой Президента Трампа в соцсетях, перед нами – второй признак попыток ввести всеобъемлющий контроль.

Стоит обратить внимание на две вещи: во-первых, что либеральный политический деятель делает заявление в духе марксизма – ликвидация семьи, частной собственности и государства, а во-вторых, что эти факторы стали, в середине XX века одним из символов советского тоталитаризма,

тогда как в наши дни они преподносятся центральными медиа как инновационный тренд. Ликвидация семьи, частной собственности и государства – эти те самые пункты, за которые К.Р. Поппер назвал Платона, Гегеля и Маркса интеллектуальными адептами и пособниками тоталитаризма!

«15–минутный город» – это градостроительная концепция, когда «всё рядом»: до любого объекта социальной инфраструктуры можно добраться за 15 минут пешком или езды на велосипеде / самокате. Однако, сразу появилась вполне справедливая критика: если совместить систему социального рейтинга с 15–минутным городом, на границах которого поставить КПП, ситуация из удобства для людей превратится в средство глобального контроля. В сети Интернет уже имеются видео подобных тестовых инициатив в Китае и положительных мнений участников Давосского форума. У автора статьи проект «пятнадцати–минутных городов» ассоциируется с гетто – в частности, с Варшавским гетто в период оккупации 1939 – 1943 гг. История XX века – это история обмана и принуждения народа политическими партиями и политическими режимами; очевидно, в XXI веке к ним присоединились корпорации.

Итоги и выводы

Возьму на себя смелость озвучить критерии современного тоталитарного общества:

– (1) – «подсказки точности»: подчинённость индивида корпоратократии, когда обеспечение жизни индивида зависит не столько от политики государства, сколько от политики корпораций;

– (2) – контроль и ограничения со стороны «пятёрки Биг–Тека» и иных IT–корпораций: диктат соцсетей, мессенджеров, использование системы больших данных для слежки за индивидом;

– (3) – система социального рейтинга (социального кредита);

– (6) – «15–минутные города» – современная форма потенциального ограничения передвижения.

– (7) – стремление и государств, и корпораций забрать у индивида его собственность;

Я не исчерпал все аспекты современного тоталитарного контроля, но, обобщая, мы выходим на три кита любого подлинного тоталитаризма:

– (1) – воспитание детей вне рамок семьи (в классической версии – государственными воспитателями, но в современности могут быть различные варианты);

– (2) – контроль над местом работы и передвижения;

– (3) – контроль над общественными собраниями и сообществами.

Позиция науки: «умозрительная модель тоталитаризма»

Анализируя отечественную научную дискуссию о тоталитаризме, констатирую, что её участники снова и снова обращаются к уже известным и многократно обсужденным факторам: тоталитарное государство, тоталитарное сознание и т.п. Факторы же тоталитарных инициатив корпораций и медиа–агентов, которые обслуживают интересы этих корпораций, редко попадают в фокус представителей научного сообщества. Подчеркну ещё раз: речь идёт о научном истеблишменте, а не о блогосфере как таковой, поскольку в последней дискуссия о диктаторских тенденциях корпораций давно уже стала обыденностью. Почему же политологическая дискуссия отстаёт в этом вопросе?

Как известно, классическая теория тоталитаризма – и в практическом аспекте, и – как умозрительная конструкция – оформилась по итогам анализа коммунистических и фашистских режимов. Они, как и любые диктатуры, противопоставляются открытому обществу и либеральной демократии. Однако официально, и, что важно – в сознании масс политическая система Запада именно либеральна. Соответственно, для науки совершить над собой усилие и приравнять современную западную – «мировую» – политическую систему к тоталитарным, означает не только поставить её на одну доску с коммунистическими и фашистскими диктатурами, но и во многом потерять объект своего исследования.

Фундаментальная особенность политологии как науки, атрибутивное свойство, изначально заложенное в её гносеологическую структуру, таково, что политология неспособна критиковать республики; у неё нет для этого и соответствующего категориального аппарата. Вся политическая наука, в основном своём парадигмальном концепте, не предполагает этого. Если исследователь принимает понятия «гражданского» и «открытого» обществ, «общественного договора», «естественного права» и подобные, то рано или поздно, но неизбежно, в его сознании ставится блок на критический анализ современных парламентских республик на предмет их тоталитарного потенциала.

Проще говоря, представители современной социально–политической науки не могут назвать современный Запад «тоталитарным», ибо сама среда, в которой они социализированы (политическая наука как парадигма) исключает эту мысль в зародыше. Сам же термин «тоталитаризм» соотносится только с государством, тоталитарным государством, в нём – в термине – нет смысловых коннотаций с корпорациями или иными агентами гражданского общества. Сам термин изначально прописан так, чтобы в фокусе оказалось государство и никогда – корпорации. Последнее, что стоит отметить, либеральная (а это – весьма существенная часть) часть нашего научного истеблишмента не может принять тот простой факт, что тоталитарные практики обновились, как и субъекты, их воспроизводящие: не только государства, но и корпорации.

Список источников

1. Carl J. Friedrich, Zbigniew Brzezinski Totalitarian dictatorship and autocracy. – Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1965. – XIII.

2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

3. Поппер К. Открытое общество и его враги (в 2-х томах). М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

4. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А., Бартосек К., Марголин Дж-Л. Чёрная книга коммунизма = Le Livre Noir du Communisme. М.: «Три века истории», 2001.

5. Михайленко В. И. Современные исследования тоталитаризма // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 1 (86). С. 181–192.

6. Расторгуев В. Н. Единодержавие: новые лики тоталитаризма. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки: Научный журнал. 2009. № 1. С. 43–50.

7. Гудков Лев. Вторичный, или возвратный тоталитаризм // Вестник общественного мнения. 2018 № 3–4 (127). Июль-декабрь. С. 207–260.

8. Кордонский М. Я выбираю тоталитаризм. ВШП. https://hs-pr.ru/articles/world/1797 (дата обращения – 09.10.2023)

9. Шанин А. А. Новый тоталитаризм (обзор классических трактовок тоталитаризма с позиции современности) // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 6. 2007. С. 90–92.

10. Gordon Pennycook, David G Rand. Accuracy prompts are a replicable and generalizable approach for reducing the spread of misinformation. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35484277/ (дата обращения – 09.10.2023)

11. Нил Фергюсон (Niall Ferguson). Превосходство «биг тека»: Кремниевая долина больше не может скрывать свою власть (Spectator, Великобритания). 18.01.2021. URL: https://inosmi.ru/politic/20210118/248930007.html (дата обращения – 09.10.2023)

12.Auken, Ida (2016-11-25). "Welcome to 2030. I own nothing, have no privacy, and life has never been better". World Economic Forum. Archived from the original on 2016-11-25. Retrieved 2021-09-20.

References

1. Carl J. Friedrich, Zbigniew Brzezinski *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1965. – XIII.

2. Arendt H. *Origins of totalitarianism*. Moscow: CenterCom, 1996. (In Russ.)

3. Popper K. *Open society and its enemies (in 2 volumes)*. M.: Phoenix, International Foundation “Cultural Initiative”, 1992. (In Russ.)

4. Courtois S., Werth N., Panne J-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J-L. *The Black Book of Communism = Le Livre Noir du Communisme*. Moscow: “Three centuries of history”, 2001. (In Russ.)

5. Mikhailenko V. I. Modern studies of totalitarianism. *News of the Ural State University. Ser. 1. Problems of education, science and culture.* 2011; 1 (86):181–192. (In Russ.)

6. Rastorguev V. N. Unity power: new faces of totalitarianism. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences: Scientific journal.* 2009;(1):43–50. (In Russ.)

7. Gudkov Lev. “Secondary, or recurrent totalitarianism.” *Bulletin of Public Opinion.* July-December 2018; 3–4 (127):207–260. (In Russ.)

8. Kordonsky M. *I choose totalitarianism*. VShP. Available from: https://hs-pr.ru/articles/world/1797 [Accessed 10 September 2023]. (In Russ.)

9. Shanin A. A. New totalitarianism (review of classical interpretations of totalitarianism from the perspective of modernity). *Bulletin of VolSU. Episode 9.* 2007;(6):90–92. (In Russ.)

10. Gordon Pennycook, David G Rand. *Accuracy prompts are a replicable and generalizable approach for reducing the spread of misinformation*. Available from: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35484277/ [Accessed 10 September 2023].

11. Niall Ferguson "*Big Tech Supremacy*": *Silicon Valley Can No Longer Hide Its Power* (Spectator, UK). 01/18/2021. Available from: https://inosmi.ru/politic/20210118/248930007.html [Accessed 10 September 2023]. (In Russ.)

12. Auken, Ida (2016-11-25). "*Welcome to 2030. I own nothing, have no privacy, and life has never been better*." World Economic Forum. Archived from the original on 2016-11-25. Retrieved 2021-09-20.

Информация об авторе

И. И. Рогов – кандидат философских наук, доцент Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

I. I. Rogov – Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Mass Communications and Media Business of Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 26.10.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 25.10.2023; accepted for publication 26.10.2023.